

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
X75

Charlie N. Holmberg
SMOKE AND SUMMONS

Text copyright © 2019 by Charlie N. Holmberg LLC
All rights reserved.

This edition is made possible under a license arrangement
originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in
collaboration with Synopsis Literary Agency

Художественное оформление *Алексея Дурасова*

Хольмберг, Чарли.

X75 Дым и Дух / Чарли Хольмберг ; [перевод с англий-
ского М. Р. Лобия]. — Москва : Эксмо, 2020. —384 с.

ISBN 978-5-04-110775-8

Сэндис — вассал могучего духа седьмого уровня. Таких, как она, считают одержимыми. И ценят, как целое состояние.

Рон — мошенник и вор с чарующей улыбкой. Владелец арте-
факта, дарующего бессмертие. Его работа — совершать невозмож-
ное.

Что, если в городе, где с каждым днем ведовство проникает в мир,
а оккультики призывают невообразимых чудовищ, Сэндис и Рон
станут союзниками?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Лобия М.Р., перевод на русский
язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110775-8

*Маме, которая поощряла
мое творческое безумие*

«Есть причина остаться», — размышляла Сэндис. Здесь отлично кормили. Даже дома, когда еще были живы родители, она не пробовала ничего подобного. Такими разносолами на скудный фабричный заработок не разживешься, таких деликатесов на улице не выцганишь. Здесь было сухо. Крыша не текла, и постоянные «*кап-кап-кап*» не сводили с ума, как когда-то в невольничьем бараке. Ей не приходилось стирать и штопать. Она могла спать сколько влезет и не волноваться, что опоздает на смену. Она могла нежиться в теплой ванне.

Кроме того, если поймают, накажут — а Кайзен мастак придумывать изощренные наказания. Если же не поймают — в чем она *очень* сомневалась, — она наверняка умрет с голоду, и ее безжизненное тело выбросят в ближайшую помойную яму, коих в этом городе великая тьма. Особым ремеслом она не владела, а на черновой работе — единственной, для которой была годна, — денег на квартиру *и* пропитание не заработаешь. Помнится, они с Аноном, вкалывая вдвоем с утра до ночи, еле-еле перебивались с хлеба на воду.

«Еда — вот что главное, — крутилось в голове у Сэндис, пока она нехотя ковыряла в тарелке свиной бок с поджаристой корочкой, нарезанную кубиками картошку и моченые яблоки. — И еда здесь — *отменная. Не забывай о еде!*»

Однако, вопреки голосу рассудка, взгляд Сэндис блуждал по бледному потолку, а мысли — по бульжным мостовым и заброшенным зданиям там, наверху, в городе. Сэндис не знала, как глубоко под землей она находилась, но подозревала: на то, чтобы прокопать тоннель наверх, потребуется большая часть ее жизни. Она была отрезана от всего внешнего мира уже четыре года — с тех самых пор, как попала сюда.

— Сэндис? — чуть слышно прошептала сидевшая напротив Элис.

Элис — пятнадцать... на год больше, чем было Сэндис, когда она повстречалась с Кайзенем. Сэндис, хотя она ни разу не осмелилась спросить прямо, постоянно мучил вопрос, не полукровка ли Элис. Карие глаза девочки явно указывали на то, что в роду у нее были настоящие колины, но белокурые волосы резко выделяли ее среди других вассалов Духа и бесчисленных оккультистов, незримо сновавших в логове Кайзена.

Сэндис приложила палец к губам, призывая Элис к молчанию: Кайзену нравилось, когда его прислужники держали язык за зубами. Элис слабо кивнула и уставилась в тарелку. «Умница», — подумала Сэндис. Похоже, Элис пришлась здесь ко двору: Кайзен ни разу не запирает ее в карцере. Возможно, никогда и не запрет.

Затрещали деревянные рейки, и рядом с ней на общую скамью тяжело опустился Хит. Не удостоив ее и взглядом, он сразу же уткнулся в тарелку и, вооружившись ножом и вилкой, принялся неторопливо и обстоятельно есть. В отличие от Элис, Хит выглядел истинным колином — темные глаза и копна темных волос. Как и у Сэндис. Как и у его брата, сидевшего за дальним концом стола и глядевшего прямо перед собой, кроме тех мгновений, когда он искоса поглядывал на примостившуюся рядом Кайли. Сэндис нахмурилась — зря эта парочка жметя друг к другу. Кайзен взбеленится, если узнает, что они дружат. У Риста же все на лице написано.

Хит тряхнул головой. Сэндис, украдкой глядя на него сквозь прядь ниспадавших на лицо волос, чуть-чуть не доходивших ей до плеч, отметила залегшие у его глаз морщинки, трепещущие ноздри и напряженные, будто сведенные судорогой, плечи. «Снова он впал в мерехлюндию, — подумала она, — бодрится, стараясь не показывать этого, но явно не находит себе места».

В соседней комнате что-то упало. Хит чуть не свалился со скамьи. Надо же, поразилась Сэндис, он пробыл здесь гораздо дольше ее, а до сих пор шарахается от собственной тени. Хит нахмурился и трясущимися руками насадил на вилку кусочек свинины.

«Ему тоже невмоготу», — озарило Сэндис. Большинству вассалов — Ристу, Дару, Кайли — тут по душе. Такое чувство, что, пройдя посвящение, они забыли прежнюю жизнь. Такое чувство, что, кроме жратвы, их больше ничего не волнует. Но Хит... Чем объяснить его невысказанное стремление к свободе? Если б она только знала... Но спрашивать нельзя. Не здесь... Не сейчас... Не при Зелне — морщинистой толстухе, намывающей посуду в углу.

Есть еще одно «но», вернулась к своим мыслям Сэндис. Если бежать, то... для чего? И куда? Глухая, ушедшая внутрь боль всколыхнулась в ее груди: Анон, братишка. Он пропал без вести четыре года назад, но воспоминания о нем до сих пор бередили душу Сэндис, как открытую рану. Она искала его, когда попала в руки работорговцев. В тот страшный день, когда узнала, что младший брат не просто исчез, а погиб, она покорила своей участи.

Почти...

Дверь в крошечную столовую приоткрылась, и Сэндис подбросило, как на углях. Черт, она прозевала, когда он вошел!

Отложив нож и вилку, она воззрилась на застывшего в дверном проеме сухопарого высокого мужчину с гро-

мадным орлиным носом и черной, надвинутой на глаза шляпе. Сколько она помнила, Кайзен всегда предпочитал эту шляпу и черную, под стать ей, одежду. Как, впрочем, и все оккультистики. Бежевые одеяния вассалов казались на их фоне просто лучами солнца в этом узилище тьмы.

Клеймо засвербило, но она не осмелилась почесать спину.

Все затаили дыхание. Никто не жевал, никто не отводил глаз. Хит задрожал. «В последнее время он трясется, словно овечий хвост», — подумала Сэндис и легонько ущипнула его под столом за ногу. Совсем чуть-чуть, чтобы привести в чувство, а не причинить боль. Элис была вся внимание. Похвально.

Глаза Кайзена, удивительного небесно-голубого цвета, пробежали по лицам вассалов и остановились на Сэндис. У нее затряслись поджилки. Обжигающий огонь, рвущиеся мышцы и сверхъестественное существо, пожирающее ее целиком, жаром воспоминаний опалили ее. Она — орудие в руках Кайзена.

Теплая пульсирующая боль ударила ей в голову. Она почувствовала *Ego*. Того, кого не должна была чувствовать. Невидимую силу, тайну, которой ни с кем не собиралась делиться.

Вассалам не положено *ощущать* присутствие нумена, даже если они — его мирское воплощение, даже если они ему посвящены.

Только бы Кайзен не прознал про ее уникальность. Ведь яснее ясного, что быть уникальным здесь смертельно опасно.

— Сэндис.

Услышав свое имя, она зябко поджала пальцы на ногах, обутых в мягкие тапочки, и мгновенно вскочила, расправив плечи и вытянувшись во весь рост, выказывая безукоризненную готовность и повиновение. Послушание — ключ к сердцу Кайзена. Он не выносил

строптивых рабов. Взгляды вассалов обратились на нее, но ее глаза пожирали лишь хозяина, Кайзена.

Вытянув костлявый, скрюченный от старости палец, он поманил ее за собой.

Забыв про недоеденный ужин, она последовала за ним.

В четыре часа ночи в продуваемом насквозь подвале мужчины трепетали от ужаса — перед ними стояла Сэндис. Для того Кайзен и привел ее сюда, для того он и водил ее повсюду — чтобы нагнать страха. И потому, несмотря на пронизывающий холод, на ней была легкая туника, обнажавшая стигму — древние носконские письмена, отливавшие золотом, начертанные на позвоночнике.

Когда оккультики наносили на спину Сэндис знак Духа, она и не догадывалась, что боль от клеймения — ничто по сравнению с тем, что ждало ее впереди.

Сэндис спокойно глядела перед собой. Она была обычной восемнадцатилетней девчонкой, не слабее и не сильнее других. Она не владела никаким мастерством, если не считать умения работать на конвейере, приобретенного ею в детстве. Она не могла похвастаться крепким сложением, недюжинным ростом или свирепым оскалом. Она даже не была вооружена.

И в то же время находившиеся рядом с ней мужчины — банкиры, счетоводы и тройка местных «шакалов» прекрасно понимали, насколько она опасна. Они знали, в кого она могла обратиться. Кайзену достаточно прошептать несколько слов, чтобы невольница Сэндис исчезла, а в ее тело вселился Дух из потустороннего мира. Дух, чье имя, смешанное с кровью и золотом, горело и полыхало у нее на спине. Существо, подвластное лишь воззавшему к нему жрецу-заклинателю.

Ирет.

— Уверяю вас, все в полном порядке, — произнес один из банкиров.

Сэндис ни секунды не сомневалась, что верно угадала его профессию: так, с иголки, одевались только банкиры. А еще она ни секунды не сомневалась, что он трепетал от ужаса. Он дрожал как осиновый лист, прятал глаза, а на его верхней губе блестели капельки пота. Вместе с двумя товарищами он мялся возле стола, что был напротив двери в самом дальнем конце комнаты.

Невыгодная позиция.

— Надеюсь, так оно и есть, — отозвался Кайзен. Голос его, невзирая на возраст, по-прежнему оставался звонким и сильным.

За все четыре года, что она провела в логове, Кайзен ни разу не упомянул, сколько ему лет, и Сэндис полагала, что около семидесяти. Он, как скала, возвышался и над Сэндис и над банкирами (ему вообще было не привыкать возвышаться над каждым встречным), и только сегодня один маячивший в отдалении широкоплечий «шакал» мог потягаться с ним в росте. Бандиты не особо отличались от оккультистов: просто они предпочитали разбираться со своими обидчиками без помощи ведовства и не превращали людей, подобных Сэндис, в оружие языческой мести. По правде говоря, бандиты сторонились оккультистов. Однако в последнее время Кайзена и «шакалов» объединяли общие интересы — шальные деньги и враги. А банкиры, по всей видимости, насолили обеим заинтересованным сторонам.

Пока Кайзен страшал финансистов, Сэндис держалась особняком. Мало кто что-либо понимал в обрядах, требующих погружения в эфирную среду. И лишь единицы отваживались их совершать. Стоило чуть-чуть напутать с заклинанием или забыть смешать кровь вассала и жреца, как нумен выходил из повиновения и набрасывался на того, кто его призвал. Стоило только полиции пронюхать, что кто-то занимается ведовством, как жрец

и его вассал тотчас оказывались за решеткой в «Герехе», самом жутком узилище Колинграда, по сравнению с которым логово Кайзена представлялось обителью блаженства. Ведовство считалось ересью. Хотя Кайзена религия заботила мало.

А вот Сэндис заботила. Когда-то. Давным-давно.

Широкие поля шляпы скрывали продолговатое лицо Кайзена и прятали блеск его хищных глаз — блеск, по которому немудрено было угадать дальнейшие намерения жреца. Если, конечно, уметь читать по глазам. А Сэндис наловчилась в этом изрядно. Кайзен о ее способностях не догадывался. По крайней мере, она очень на это надеялась. Когда дело дойдет до схватки с Кайзеном, это умение ей пригодится, как и пара-тройка других, которые она приобрела за годы общения с ним.

— Нет ничего особенного в том, что я хочу взглянуть в приходно-расходные книги, — настаивал Кайзен.

Неужели банкиры оглохли и не слышат угрозы в его голосе? Голосе, от которого у Сэндис мурашки бегут по коже. Вроде бы простые слова, но Кайзен никогда ничего не говорил просто так. Он никогда не повышал голоса, не просил и не умолял. С какой стати ему было до этого опускаться: любой и каждый в этой комнате, любой и каждый в этом городе был пешкой в его игре... игре, в которой ему не было равных.

Банкир кивнул и повернулся к сотоварищам. Они сдавленно зашущукались, один из «шакалов» вытянул шею и наострил уши. Кайзен, склонив голову набок, застыл, выпрямился во весь свой немалый рост. Его длинные и тонкие пальцы, словно лапы паука, сплелись на серебряном набалдашнике трости. На Сэндис он не смотрел.

Чаще всего на подобных мероприятиях Сэндис стояла как столб, бессмысленно таращась в пустоту. Кайзен не одобрял, когда вассалы совали нос в его дела. Она и не совала, не вела даже бровью, чтобы не выдать свою

заинтересованность. Однако от глаз ее не укрылось, как банкир вытащил запертый ларец, поставил его на вымытый до блеска стол и, повозившись с замком, наконец-то его отпер.

— Не понимаю, для чего *они* здесь, — буркнул он, косясь на «шакалов».

Скользнув глазами по первому отчету, Кайзен сразу же отложил его в сторону и потянулся за следующим. Прочитал титульный лист, открыл, быстро пролистал. Отчет о расходах за текущий месяц, если судить по дате; Сэндис поспешно отвела глаза. Кайзен был уверен, что она не умеет читать — одержимые в массе своей были неграмотны. Не стоит давать ему повода для подозрений: лишний козырь в рукаве ей не повредит, а она *ни за что его не* отдаст.

— Ваша нерасторопность пагубно отражается на моих с ними отношениях. Потому-то они и здесь. — Кайзен ожесточенно листал приходно-расходную книгу.

Один из бандитов перехватил ее взгляд, но тут же потупился.

Дружба дружбой, а от Сэндис все предпочитали держаться подальше, хотя без Кайзена она была совершенно беспомощной. Она кое-что помнила о своих перевоплощениях. Еще один секрет, который Сэндис тщательно хранила от своего хозяина. Вассалы *никогда* — никогда — не помнили о том, что происходило, когда ими овладевал Дух.

«*Ирет*», — подобно грому раздалось у нее в голове, и Сэндис на мгновение испугалась, что произнесла имя Духа вслух. Но вокруг все шло своим чередом: Кайзен препирался с банкирами и уделял ей внимания не более, чем колченогому стулу. Сэндис осторожно обвела глазами комнату, пытаясь угадать, о чем думают окружающие ее люди, и внутренне содрогаясь от запахов пота, керосина и страха, пропитавшего эти темные прочные стены. В дальнем углу комнаты виднелись

два сейфа. Окон не было вовсе. Все лампы, кроме двух, перенесли поближе к столу, где Кайзен с хозяйской дотошностью просматривал счета и бухгалтерские отчеты.

Казалось, самый молодой банкир, худенький, как тростинка, юноша, вот-вот упадет в обморок. Он побледнел, как полотно, под его глазами залегли фиолетовые круги. Сэндис поспешно отвела взгляд — незачем пугать его до полусмерти.

Слева от нее вдоль всей стены тянулась длинная пробковая доска с пришпиленными на ней бумагами и записками. Под доской в многочисленных ящиках громоздились кипы приходно-расходных книг, папок и различных финансовых документов. Она медленно шарила глазами по одной из надписей — да, она умела читать, но без постоянной практики было сложно мгновенно осознавать прочитанное. Требовалось время, чтобы слова обрели смысл.

«*Пожертвования*» — прочитала она. И рядом: «*Обмен золота*».

Кайзен пробормотал что-то себе под нос. Взгляд Сэндис метнулся обратно к банкирам, и она замерла: она увидела слово, которое могла прочесть без запинки, слово, знакомое ей лучше всех слов на всем белом свете — «*Гвенвиг*». Ее собственная фамилия.

Дыхание Сэндис пресеклось, и она заставила себя бесцельно пялиться вдаль, пока снова не пришла в себя.

— Но так работают все банки, Кайзен, — сказал третий, пожилой, банкир — не тот, первый, со вспотевшей губой, и не тот, второй, без кровинки в лице. Лоб его избороздили глубокие морщины. — Испокон века банки — это кредиты и ссуды.

Бросив взгляд на книгу, Сэндис снова увидела свою фамилию. «*Гвенвиг*». Не самую благозвучную и не самую обыкновенную фамилию. Кроме нее только трое носили эту фамилию — и все трое были мертвы.